

ГОСУДАРСТВО ОБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ

Я альпина
ПАБЛИШЕР

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Москва
2013

УДК 323.2
ББК 66.033.1
Г72

Государство. Общество. Управление: Сборник статей / Под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. - М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. - 511 с.

ISBN 978-5-9614-4472-8

Что такое свобода? Что представляют собой гражданин, государство и государственная власть в истории человечества и в России? От чего зависят и какими должны быть отношения между бюрократией и гражданским обществом? Есть ли гражданское общество в нашей стране сегодня? Какую роль в его становлении играет культура? Каковы экономические предпосылки эффективного государства и пространственные ограничения государственного управления?

Обсуждая эти вопросы, авторы попытались представить картину нашей жизни в ее целостности. Они приглашают читателей — отнюдь не только профессионалов — к ее критическому осмыслению, к тому, что Кант называл «мужеством пользоваться собственным умом».

УДК 323.2
ББК 66.033.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Составление. Никольский С, Ходорковский М., 2013

© Оформление, издание. ООО «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР», 2013

ISBN 978-5-9614-4472-8

Содержание

М.Б.Ходорковский	
То, что вы хотели знать о свободе, но боялись спросить.....	5
Адам Михник	
Большая история Вацлава Гавела.....	11
Р а з д е л I	Философия об общих проблемах государства, общества и управления
	45
С.А.Никольский	
Введение.....	47
М.А.Солопова	
Гражданин, государство и общество в античной философии.....	55
Э.Ю.Соловьев	
Государство, гражданский правовой порядок и права человека в глобально-историческом проекте Канта.....	75
А. П. Огурцов	
Власть: от метафор — к нейтральному языку описания.....	103
С. С. Неретина	
О понятиях государства, управления и общества.....	125
А.А. Кара-Мурза	
Россия на пути к либеральной цивилизации.....	147
С.А.Никольский	
Государство и общество в поле зрения отечественной словесности.....	165
Р а з д е л II	Государство как институт и инструмент
	183
С.А. Никольский	
Введение.....	185
С.А.Никольский	
Современная Россия: этап национального государства.....	195
В.Н. Порус	
Имитация рациональности: российская бюрократия в ситуации культурного кризиса.....	217

В.А.Рыжков Законодательная власть в России: итоги и императивы последнего десятилетия.....	247
Е.Ш. Гонтмахер Российская исполнительная власть: реальная и необходимая.....	271
С. Д. Пашин Отечественный суд и государство.....	285
К.В.Родионов Об экономических предпосылках эффективного государства.....	313
Н.В. Зубаревич Управление развитием пространства Российской Федерации: коридор возможностей.....	335
Р а з д е л III Человек, государство и гражданское общество в современной России	359
С.А.Никольский Введение.....	361
А.И.Алешин Антикапиталистическая ментальность и взаимоотношения власти и общества в России.....	371
Р.Г.Апресян Легитимность власти (ценностный подход).....	391
А. Г. Левинсон Российское общество: на пути к «среднему классу»?.....	411
В.М. Межуев О возможности демократической оппозиции в современной России.....	431
Д.О. Дробницкий Кто такие «рассерженные горожане».....	449
И. В. Заринская, Е.В. Фирсанова Государство и общество в российских социологических исследованиях 1991-2011 годов.....	467
Иммануил Кант Ответ на вопрос «Что такое Просвещение?» (1784).....	501
Сведения об авторах	509

В. Н. Порус

Имитация рациональности: российская бюрократия в ситуации культурного кризиса

Что происходит в современной России? С высоты беспристрастной абстракции — происходит то, что и должно иметь место в период разрушения прежних устоев жизни и постепенного вхождения в новую стабильность. Забраться на эту высоту не так легко. Все это происходит с нами, а не с посторонними наблюдателями, захватывает не только сложностью проблем, но и болезненной непереносимостью переломов сознания и человеческих судеб. Трудно в такое время сохранить верность призыву Спинозы: *pop ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere* («не плакать, не смеяться, не отворачиваться, но понимать»), приходится и плакать, и смеяться, поневоле мирясь с непониманием. Возможно, кому-то удастся отворачиваться. Но вряд ли кто-то оспорит, что при всей неопределенности перспектив происходящее может быть названо масштабным кризисом всех общественных институтов и сфер общественной жизни. Кризис — это рубеж, за которым, если сравнивать с болезненным состоянием организма, следует либо выздоровление, либо гибель. Дело во многом зависит от «воли к жизни». Чтобы преодолеть кризис, нужно мобилизовать защитные силы, дать им свободу, укрепить веру в успех.

Но в обществе нет согласия о том, что называть успешным выходом из кризиса. Для его достижения нужен политический процесс, а в современной России он заторможен либо выступает в извращенной форме конкуренции политических технологий. Это рождает недоверие к политике как таковой, в конечном счете — ведет к апатии и разочарованию общества.

Ожидания перемен живы, но противоречивы. Кому-то по душе возрождение государственнической риторики («страна встает с колен», «Россия —

великая энергетическая держава» и пр.), кто-то видит в ней пропагандистскую ширму, за которой — дальнейшее углубление кризиса, загнивание государственного аппарата управления, уродства культурного и экономического развития. Противоречия время от времени обостряются, особенно в преддверии экономических спадов или во время таковых, усиливаются протестные движения против фальсификации результатов выборов в верховные или местные органы власти, против разрастающейся коррупции, вынужденно непопулярных властных инициатив. В такие периоды общественные ожидания становятся более пессимистичными и нервными. Без преувеличения можно сказать, что мы живем в больном обществе, и хотя симптомы болезни трудно систематизировать, они очевидны. Это растущая социальная и культурная дезинтеграция, огромное имущественное неравенство, которому трудно найти аналоги в отечественной и мировой истории, инвалидная экономика, перекошенная в сторону торговли природными ресурсами, неслыханные масштабы воровства и лихоимства — а на этом фоне беспрецедентный рост криминала, парадоксально связанного с «полицейским беспределом», демографический спад, невиданные масштабы вынужденного детского сиротства и одиночества стариков, техногенные и антропогенные катастрофы перестают быть сенсациями, входят в обыденность.

Как это всегда и бывает, ответственность за происходящее возлагается на власть. Ее попытки врачевать болезни общества не эффективны, более того, ее не без оснований винят в обострении этих болезней. А поскольку функции власти выполняют бюрократические институты, на них и падает критика. Особенно вызывающим является тот факт, что эффективность отечественной бюрократии можно поставить в обратную зависимость ее количественному росту¹. Непрерывные разговоры об «укреплении

¹ В современной России на 10000 населения приходится свыше 170 госслужащих (для сравнения: в США и Франции — около 70, в Японии — 35, в Норвегии — 25, в Южной Корее — 18,5), их общее число приближается к 2,5 млн. Предполагаемое сокращение федеральных чиновников на 20% (к 2013 г.) — в соответствии с распоряжением Президента РФ от июня 2010 г. — вряд ли что-то существенно изменит в этом соотношении; как показывает опыт, армия чиновников после таких «сокращений» не уменьшается, а только меняет названия своих подразделений: чиновники из федеральных структур переходят в муниципальные, место одних «контор» быстро замещают другие и т. д. В этом нет ничего поразительного, если учесть, что, по некоторым данным, на взятки чиновникам уходит от 10 до 20% всех доходов страны, а всего бюрократическая система поглощает до 40% этих доходов (см.: Свободная пресса, 12.04.2012 / <http://svpressa.ru/economy/article/27995/>).

вертикали власти» становятся шумовым фоном, на котором еще очевиднее факты властной беспомощности, необходимости то и дело переходить к режиму «ручного управления», то есть аврального наведения элементарного порядка прямым авторитарным давлением высших чиновников, вплоть до президента страны. Риторические упражнения записных политтехнологов, пытающихся как-то камуфлировать это положение дел, мало кого убеждают и чаще только усугубляют недоверие к власти. Отсюда естественно стремление понять причины неэффективности современной российской бюрократии.

* * *

Бюрократия — рациональная организация власти, получившая законное основание и статус. Всестороннюю разработку этого концепта в свое время провел М. Вебер, которому приписывается даже заслуга создания «теории рациональной бюрократии»². Это преувеличение, хотя, без сомнения, Веберу принадлежит введение в современную политическую науку методологического новшества, которое можно назвать «идеальным типом рациональной бюрократии». Роль этого новшества оказалась значительной и Веберу удалось открыть перспективу научного исследования в политологии, связав воедино понятия, ранее казавшиеся взятыми из различных концептуальных рядов.

Суть «идеального типа» заключается в том, что это понятие призвано соединить науку о культуре (в смысле Г. Риккерта) с постулированием и принятием культурных ценностей. Специфика наук о культуре в том, что «ценностная идея», принимаемая ученым, выступает для него «трансцендентальным регулятивом», то есть определяет собою направление его исследования, задает ему цель, оказывает решающее влияние на выбор исследовательских средств и отбор приемлемых результатов. Собственно, методология исследования в науках о культуре оказывается зависимой от принятой и предпочтенной системы ценностных установок и воззрений ученого. «Рациональная бюрократия» — это характерный пример «идеального типа» в веберовской политической науке.

² См.: Вебер М. История хозяйства: Город. М., 2001; его же: Хозяйство и общество. М., 2010; его же: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003; Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997. Макаренко В. П. Теория бюрократии М. Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. 1986. № 3.

Поскольку ценностный подход как будто противоречит установке ученого на объективность исследования (во всяком случае, такое обвинение часто выдвигают в адрес наук о культуре) и «навязывает» последнему выбор средств и селекцию результатов, его часто связывают с построением социальных и политических утопий. Поэтому критика утопий переносится на методологию «идеального типа». Последний пытаются как-то приблизить к реальности, скорректировать его так, чтобы он «впитывал» из последней свои характеристики. Эти попытки, каких было немало³, нельзя считать удачными, поскольку само понятие «социальной реальности» слишком зависит от теоретической, мировоззренческой и методологической позиции исследователя; еще в большей степени это относится и к термину «утопия».

Но главное в том, что «идеальный тип» выполняет в политической науке Вебера особую роль. Он организует ее так, чтобы она выступала как общая политическая картина мира, в которой политическому субъекту отводится активная преобразующая позиция. Как заметил Ю. Хабермас, М. Вебер выстраивал эту картину, имея в виду некоторую сверхценность, каковой являлась для него «"всеохватывающая общественная рациональность", с которой соизмеряется относительное значение процессов рационализации, схватываемых в эмпирическом описании»⁴. Речь шла о создании «методологической призмы», сквозь которую должна рассматриваться связь «власть-общество», как важнейший элемент системы общественных отношений, выстраиваемых в условиях универсальной капиталистической экономики.

Ее универсальность понималась как уподобление некоему разумному порядку вещей, подлежащему научно-рациональному контролю и не зависящему от каких-то субъективных причин, по которым эта разумность могла бы быть искажена, нарушена или ослаблена. Такая система отношений должна работать как умный механизм, который следовало поддерживать в надлежащем порядке, а работать он должен сам собой, не допуская сбоев и будучи защищен от некомпетентного вмешательства.

Очевидно, конечно, что сама идея такого «социального механизма» является «ценностно-нагруженной». Это не что иное, как проект жела-

³ См. работы М. Крозье, А. Гоулднера, Р. Мертон, Т. Парсонса, Ф. Селзника, С. Липсета и др.

⁴ Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009, т. 8. № 3. С. 38.

тельных социальных, политических и экономических преобразований. Желательных прежде всего потому, что они, как предполагал М. Вебер, отвечают требованиям точного расчета, предсказуемой целесообразности, организованного и контролируемого порядка, выступающего как антипод всяческого хаоса, неурядиц, нагромождения ошибок или даже корыстных соблазнов. Этот рациональный социально-экономический и политический «космос» представляется наилучшим из возможных человеческих миров и потому требует всяческой защиты со стороны организованного общества, признающего над собой власть рациональности, в том числе защиты моральной, идущей от системы «культурных универсалий», то есть основных ценностей, каким подчинена общественная жизнь.

Если так, то социальная наука, в рамках которой этот проект создается, становится не только средством познания, но — прежде всего — программой социальных преобразований. Осуществима ли такая программа, это зависит, конечно, не только от самой науки. Ученые могут выступать не только в роли исследователей, но и как участники социально-политических и экономических движений. Будут ли они успешными — вопрос к истории, к потенциалу развития самого общества. Но ясно, что социальная и политическая теория не может находиться вне контекста этого развития. Она несет на себе его черты, включена в него («ангажирована»), и само ее развитие является составной частью того, что является ее предметом исследования.

Здесь нет никакой путаницы, хотя подозрения часто возникают по отношению к социальному научному знанию со стороны тех, кто хотел бы видеть это знание организованным и полученным строго по образцу естествознания (так называемых «точных наук»). Подобные методологические споры ведутся давно и, вероятно, будут продолжаться и впредь. Но можно с уверенностью сказать, что прямое перенесение образцов естественной науки в обществознание могло бы привести только к неоправданному сужению задач науки. Общественная наука такова, какова она есть по самой своей природе. Эту природу нельзя насиловать, пытаться ее подчинить каким-то догматическим установлениям. Из этого не может получиться ничего, кроме бесплодного скепсиса (сомнения в «полноценности» науки о культуре) или же его политически мотивированной «изнанки» — утверждения о том, что социальная наука достигает объективности, если выражает интересы общественных групп, (якобы!) отвечающие законам общественно-исторического развития. Доказывать такое совпадение — путь,

выводящий за границы науки, когда «оружие критики» заменяют «критикой оружием», по заветам классиков марксизма.

Просто скажем, что позиции ученого-исследователя и общественного деятеля почти всегда могут быть достаточно ясно распознаны, но даже если полной ясности нет, это не повод для методологической прострации: подобные трудности разрешаются прогрессирующим исследованием, а не словопрениями.

Вернемся к М. Веберу. Бюрократия как «идеальный тип», полагал он, есть форма власти (прежде всего, государственной), предполагающая особую профессиональную организацию, действия которой подчинены строгому регламенту (на основании существующего законодательства) и должны всегда проверяться на соответствие ему. Проверка осуществляется либо самими бюрократами, либо общественными организациями (наличие которых предполагается). В любом случае проверка также регламентирована и ее соответствие установленным нормам, правилам и процедурам поддерживается официально. Бюрократические инстанции работают, руководствуясь принципами, которые, собственно, и делают их работу рациональной.

Вкратце перечень этих принципов таков:

- бюрократия организована иерархически (низшие уровни подчинены высшим и это подчинение имеет безусловный характер; недопустима ситуация, когда властные импульсы, идущие от верхних уровней, не признаются нижними, игнорируются или произвольно трактуются);
- в этой иерархии «каждый сверчок знает свой шесток» и не выходит за круг своих полномочий, прямо ограниченных регламентом;
- действия бюрократа строго определены и не допускают иной, отличной от регламента, оценки (бюрократ действует по законам и инструкциям, а не «по понятиям»);
- бюрократ назначается на свою должность другим бюрократам (или бюрократической инстанцией), стоящим на более высокой ступени иерархии;
- бюрократическая функция требует профессионального исполнения (не должно быть бюрократов-профанов или бюрократов «по совместительству»), квалификация бюрократа должна быть подтверждена соответствующей экспертизой;
- выполнение профессиональных обязанностей обеспечивается законом, бюрократическая инстанция гарантирует чиновнику защиту от

преследований при строгом соблюдении им регламента, соблюдение его гражданских прав, работу по контракту и право на пенсию;

- бюрократ действует от имени властной структуры; как всякий профессионал, он получает зарплату в соответствии с занимаемой должностью; установленные размеры зарплаты бюрократа не могут быть произвольно изменены;
- прием на работу и увольнение бюрократа совершается бюрократической инстанцией в соответствии с законом;
- бюрократ не имеет права использовать свою функцию как собственность и получать выгоду от этого использования помимо установленного регламентом вознаграждения;
- бюрократ не вправе уклониться от выполнения задач, которые перед ним ставят регламент или высшие инстанции (при условии соответствия этих задач законодательству) или от законных форм контроля за его действиями.

Итак, бюрократия — это профессия, для вхождения в которую необходимы соответствующая подготовка и обучение. Принадлежность к ней требует выполнения ряда строгих ограничений и требований. Помимо самого регламента, это этические требования, предъявляемые к бюрократам-профессионалам. Можно сказать, что эти требования более жестки, чем во многих других общественно-значимых профессиях, и сравнимы с воинской обязанностью. Это «государева служба», составляющая основу всего общественного устройства, к тому же имеющая моральную (и едва ли не сакральную) санкцию. Бюрократ, получая власть, должен использовать ее в интересах общества. Как он распорядится этой властью, от этого зависит слишком многое. Поэтому главными регуляторами его действий, помимо регламента, являются совесть, сознание своего общественного долга, ориентация на установленные идеальные образцы служения обществу и государству.

Бюрократическая организация — среда моральной чистоты и высокой мотивации действий, связанных с регламентом. Если эта среда ненадежна, засорена вредными «примесями», никакой регламент не будет выполняться, поскольку контроль за его выполнением стал бы невероятно сложным (когда число контролирующих инстанций умножилось бы бесконечно, а главное, без толку). Но дело не только в этом. Подмена морального обеспечения эффективности власти ее формальным регламентированием

противоречила бы «идеальному типу» бюрократии. То есть разрушила бы основную предпосылку: «рациональная бюрократия» есть одно из условий высоко ценного общественного устройства. Если так, то вся конструкция становилась бы крайне неустойчивой и фальшивой.

Моральный климат бюрократической среды, в соответствии с «идеальным типом» М. Вебера, исключает пренебрежение своими обязанностями, цинизм, превосходство личного, тем более корыстного, интереса над служебными полномочиями. Он исключает коррупцию — не только потому, что нарушение регламента, должностное преступление сурово наказываются по закону. От коррупции бюрократа удерживает не страх перед наказанием и не осознание того, что соблюдать регламент выгодней и безопаснее, чем его нарушать. Прежде всего, это моральное осуждение своей среды, голос совести и долга. Если этот голос умолкает, уступая соблазнам и оборачиваясь презрением к закону и общественному мнению, бюрократия перестает существовать как таковая.

* * *

Все сказанное резко отличается от знакомой каждому действительности. Отличается так, что «идеальный тип» бюрократа предстает как злокозненная выдумка, «овечья шкура», под которой прячется бюрократический волк. Реакцией на веберовскую методологическую новацию могла бы быть саркастическая мефистофельская ухмылка: «теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо!». «Реальная», а не «идеальная» бюрократия отзывается в сознании едва ли не синонимом социального зла. На голову «реального», а не «идеального» бюрократа призываются всевозможные проклятия, так часто его фигура оказывается поперек наших житейских путей и создает невообразимые сложности. Все это знакомо буквально до слез. Однако отношения к «бюрократизму» не исчерпываются житейским порицанием.

Вот что, например, констатируют социологи. По их данным, большинство российских старшеклассников на вопрос «Какую профессию вы выберете, окончив школу?» отвечают чуть не хором: профессию чиновника!⁵

⁵ По результатам исследования, проведенного Фондом „Общественное мнение“, привлекательной для себя государственную службу считают 42% жителей страны. Летом 2010 года конкурс на бюджетное студенческое место на специальность „государственное управление“ в некоторых регионах достигал 160 человек. В НИУ «Высшая школа экономики» (Москва) в том же году на специальность «государственное и муниципальное управление»

Сравним эти данные с другими, свидетельствующими, что к деятельности бюрократии население страны относится скорее отрицательно⁶. Получается, что сегодняшние школьники (разумеется, не без согласия и одобрения родителей!) с удовольствием примкнули бы к профессиональной группе, деятельность которой жестко осуждается общественным мнением. Да, это может трактоваться по-разному, но в том числе и так, что профессия чиновника (кстати, не самая привлекательная по зарплате!) манит возможностью пожить за чужой счет, как бы об этом ни судили те, у кого такой возможности нет. Дело не только в грубом взяточничестве. На верхних уровнях бюрократической иерархии личное обогащение чиновников в большей мере зависит от коррупционных предпочтений, какие оказываются бизнесу, находящемуся под властным покровительством, а то и в собственности «государевых слуг».

В бюрократии иногда видят «социальный организм-паразит», встраивающийся в любое общество на любом этапе его существования, «отражение социальных конфликтов и материализацию властно-политического отчуждения»⁷. Бюрократия порождается «обществом отчуждения» и, в свою очередь, это отчуждение усиливает. Избавиться от паразитов можно, только излечив общество, преодолев «властно-политическое

(60 бюджетных мест) было подано 1150 заявлений (См.: Туманова О., Чернаков А. Профессия чиновника — самая востребованная в вузах России / <http://madan.org.il/node/690>).

⁶ По данным социологов РАН, «россияне не только не готовы видеть в бюрократии выразителя интересов общества, но и рассматривают ее как силу, если и не прямо враждебную, то безусловно наносящую ущерб интересам страны... Две трети россиян безоговорочно убеждены в том, что российская бюрократия думает только о собственном благополучии и влиянии, ее совершенно не интересует население страны, интересы которого она призвана защищать. Такая же точка зрения доминирует и среди представителей силовых структур (армия, МВД и т. п.), попавших в выборку опроса, — ее разделяют почти 60% россиян, и лишь треть — допускает «гармонию» интересов бюрократии и населения... Свыше 20% опрошенных госчиновников не смогли ответить на вопрос, в чем же заинтересована российская бюрократия в первую очередь. Учитывая, что это образованные люди, которые по всем остальным вопросам достаточно четко сформулировали свою позицию, такой процент затруднившихся с ответом можно интерпретировать, на наш взгляд, как нежелание ...врать в ответ на прямо поставленный вопрос» (Бюрократия и власть в новой России. Аналитический доклад Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. М., 2005 / http://www.isras.ru/nles/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf). Есть, пожалуй, основания полагать, что 8 лет спустя соответствующие оценки, если изменились, то не в позитивную сторону.

⁷ Макаренко В. П. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 5.

отчуждение», но как его преодолеть, если не бороться с бюрократизмом? Как вырваться из этого круговращения причин и следствий?

Такая, во многом эмоциональная, критика веберовского «идеального типа» по-человечески понятна, но суть дела она не проясняет. Вебер говорил о другой бюрократии и в другом смысле. В его концепте, как уже было сказано, отражен культурный смысл исторической эпохи, знаменуемой преобладанием рациональности — в первую очередь в сфере хозяйства, но не только в ней. Рациональность — не частная характеристика общественных процессов. Это принцип, которому отводится центральное место в системе культурных универсалий. Значит, другие культурные ценности, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя, так сказать, проникаясь им, согласуясь с ним.

Если все же сопоставлять «идеальный тип» с вопиющей против него реальностью, приходится констатировать, что существующая власть «недостаточно бюрократична» (есть не «настоящая», а почему-то «испорченная» бюрократия). К тому же система культурных ценностей, о которой мечтал Вебер, еще просто не сформирована в том смысле, что ценность рациональности в ней не занимает превалирующего положения.

Иначе говоря, картина миропорядка вовсе не похожа на тот разумный социальный космос, в котором «рациональная бюрократия» уместна и абсолютно необходима.

* * *

Власть культурных универсалий над делами и мыслями людей похожа и не похожа на власть законов природы над фактами и событиями.

Естественные законы действуют независимо от того, известны ли они, согласны ли люди с их действием. Выпавший из окна многоэтажного дома гражданин может во время своего, увы, последнего полета проклинать закон всемирного тяготения, это никак не повлияет на ход и конечный результат события. Бессмысленно ругать и пытаться нарушить с какой-либо корыстью для себя законы экономики. По справедливому мнению ученых-экономистов, это так же небезопасно, как выпрыгивать из летящего самолета без парашюта. Но есть и различия. Законы экономики историчны, они действуют там и тогда, когда для этого есть условия. Они меняются со временем, и за этими изменениями можно проследить в исторические промежутки несравнимо более короткие, чем космические периоды, в которые могут меняться, например, физические константы.

Экономические законы «встроены» в культурно и исторически обусловленную систему человеческого общежития и в конечном счете зависят от нее.

К. Поппер в свое время подверг «историцистов» (сторонников взгляда, что законы истории действуют с необходимостью, аналогичной законам природы) обоснованной критике: они игнорируют то решающее обстоятельство, что люди способны корректировать свои действия, исправляя допущенные ошибки и выдвигая разумные (проверяемые и доступные опытному опровержению) гипотезы относительно последствий своих предприятий. Это относится и к общественной практике, и к научным концепциям и теориям об обществе. Поэтому метод социальных наук не противоположен методу наук «естественных»: они оба стоят на «испытании предлагаемых для данных проблем решений» самой строгой критикой (как эмпирического, так и теоретического плана)⁸. Правда, «строгой критике» может помешать «ценностная ангажированность» ученого-обществоведа (например, его политические предпочтения). Исключить это полностью невозможно, хотя бы потому, что «наши мотивы и наши чисто научные идеалы, такие как идеал чистого поиска истины, глубочайшим образом укоренены во вненаучных, частью религиозных, оценках» и от этих оценок можно «освободиться», только сломав ученого как человека и человека как ученого. Но возможно и должно другое: заменить «требование свободы от ценностей иным требованием, согласно которому одной из задач научной критики является обнаружение смещения ценностей и различение чисто научных ценностных вопросов об истине, релевантности, простоте и т.д. от вненаучных вопросов»⁹.

Другими словами, К. Поппер призывает ученых, ведущих исследования в области общественных наук, не смешивать мух с котлетами, а в тех случаях, когда путаница все же случается, быть готовыми к восприятию «строгой критики». Иначе ученый действовал бы против «кодекса профессиональной чести» и его следовало бы от этой профессии отлучить.

В этом смысле поведение ученого, как и поведение любого культурного человека, ориентировано на ценности. Как ученый добровольно принимает на себя долг подчинения «научным ценностям», даже если они заставляют его отказываться от других («вненаучных») ценностей как от ориентиров мысли и поведения, так и всякий культурный человек подчиняется власти культурных ценностей, ограничивающих его витальные устремления,

⁸ Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 66.

⁹ Там же. С. 70, 71.

желания, страсти и влечения, экономические притязания и т.д.. Соответственно, все они делятся на «культурно приемлемые» и «культурно неприемлемые». Однако это подчинение рано или поздно (при соответствующих обстоятельствах) осознается именно как ограничение свободы. Такое ограничение — необходимое условие, при котором противоположные воли и витальные порывы не аннигилируют во взаимных столкновениях, а находят компромисс. Проще говоря — это условие выживания. Соблюдение таких ограничений позволяет людям уживаться друг с другом даже тогда, когда их общежитие — вне бдительного надзора со стороны Левиафана с его законами, институтами и охранительными структурами. Значит, культура — не что иное, как незримая узда, сдерживающая человеческое своеволие, его дикие и свирепые проявления.

И это должна быть крепкая узда. Если она ослабевает, противоречия между жизнью и культурой нарастают, культурные принципы перестают быть сознательными ориентирами большинства людских поступков, их ценность падает, а власть становится иллюзорной. Чтобы этого не произошло, необходимо создавать и укреплять реальные институты власти, которые могли бы удержать культуру от распада. Более того, власть культурных принципов должна воплотиться во власти институтов, выступающих от имени культуры.

«Рациональная бюрократия» — это и есть, по Веберу, важнейший институт культуры Тотальной Рациональности. Она принимает на себя бремя разрешения противоречий между людьми и культурными принципами. Но для этого она сама должна быть культурной «до мозга костей». Идеальный бюрократ — это рыцарь культуры без страха и упрека, ее воплощенный, зримый образ. Он принимает на себя ответственность за культуру, подобно Атланту подставляет плечи под «небесный свод» ее универсалий. И... становится первым и явным объектом, в адрес которого направлен протест, бунт против этой культуры.

Заметим: веберовская конструкция «рациональной бюрократии» стоит в ряду таких изобретений научного ума, как «идеальный этос ученого» Р. Мертона, идея «Большой науки» К. Поппера, «учение о ноосфере» В. Вернадского, технократические утопии русских «космистов», «теории элит» Д. Белла, Дж. Гелбрейта, Р. Арона и др. По отношению к ним уместны сходные вопросы об их отношении к соответствующей «реальности».

Чем именно и в какой степени «реальная бюрократия» отличается от веберовского «идеального типа» — этот вопрос скорее должен интересовать социологов, политологов или психологов (ненависть к бюрократии — помимо прочего — психологическое состояние человека со множеством нюансов, например, не свободное от так называемого Ressentiment в смысле Ницше).

Философ же задаст другой вопрос. Дает ли веберовский «идеальный тип» возможность теоретического разрешения социальных противоречий и, следовательно, ликвидации расщелины между властью и обществом, на философском языке именуемой «отчуждением»? Если нет, то почему?

Здесь нельзя обойтись стандартной ссылкой на то, что выводы теории, в составе которой фигурируют «идеальные объекты», не совпадают с наблюдениями, сделанными в реальных условиях. Это не снижает ценности таких теорий, ведь их цель состоит не в том, чтобы достигать автоматической адекватности предсказаний и наблюдений, а в том, чтобы раскрывать сущность исследуемых явлений, строить объяснительные модели максимальной глубины и общности, иметь перспективу собственно теоретического развития. Но функция «идеального типа» в социальной или политической теории иная.

Она в том, чтобы найти такие интерпретации данных, получаемых в рамках социологических, экономических или политических исследований, которые бы помещались в ценностно-приемлемую картину социального мира. Но таких картин может быть много. И они могут не совпадать не только в частностях, но и по общему смыслу. Поэтому они составляют то, что можно назвать «конкурентной средой». Победа в такой конкуренции, то есть выбор конкретной интерпретации, зависит от многих факторов. Например, от способности интерпретирующих концепций обеспечить «хорошие» объяснения изучаемых явлений. Но особо примечательны те ситуации, в которых на конкуренцию интерпретаций влияют изменения в умонастроениях исследователей, зависящих от заметных или даже критических перемен в культурном контексте. В таких случаях говорят о выполнении исследователем «культурного заказа», о его желании соответствовать тому, что называют *Zeitgeist*, «духом времени».

Это, скажем так, *страдающий* дух, что особенно видно в переломные моменты истории, когда шатаются и падают культурные устои, происходит смена системы культурных универсалий. Поскольку ученый не парит в интеллектуальных облаках над историей, а всей своей жизнью участвует в ней, он не следует старому завету Спинозы: его понимание есть

сочувствие и активное действие, а не только бесстрастный диагноз. Помочь культуре, вступившей в кризис, можно по-разному. Например, вернуть ей устойчивость, преодолеть распад. Или, признав безнадежность консервативной терапии, содействовать скорейшему приходу на историческую сцену новой жизнеспособной культурной формы.

В любом случае исследователь действует согласно господствующим или наиболее важным для него ожиданиям. А поскольку это всегда ожидания чего-то нового, обнадеживающего и универсального, они часто облачаются в оболочку все объясняющего и все устраивающего мифа.

Роль мифа как психологического инструмента, используемого при устройении культуры, хорошо известна. Трансформация культуры в сознании человека происходят через особые медиаторы (психологи называют их «мостами» между идеальной и реальной формами психического¹⁰) — *слово, знак и миф*. Они стимулируют реакции и поведенческие акты людей так, чтобы те отвечали требованиям культуры, вызывали «внутренние» формы деятельности, обладающие определенной непредсказуемостью, но в конечном счете работающие на трансформацию культуры. И эти медиаторы создаются учеными-обществоведами сознательно. В этом и проявляется их исследовательская стратегия: познавать социальный мир, изменяя его в желательную сторону.

При этом, что характерно, мифы-медиаторы строятся так, чтобы они были максимально похожими на научно-теоретические конструкции, так сказать, были облачены в торжественные «тоги научности». Их «философская ангажированность», зависимость от философской трактовки ценностей и системы предпочтений, поневоле затушевывается (до тех пор, пока это вообще возможно). В этом проявляется, во-первых, авторитет науки, подчиняющий себе духовные усилия в эпоху триумфа научного знания, во-вторых, стремление выступить единым фронтом на защиту культуры, какие бы различия не разъединяли методологические подразделения исследователей.

Таким мифом и является веберовский идеальный тип «рациональной бюрократии». То, что он способен выполнять методологическую функцию, говорит о том, что знание об обществе включает в себя мифологическую компоненту не по какому-то недосмотру или из-за своего «несовершенства», а по необходимости.

¹⁰ См.: Зинченко В. П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 5-19.

Впрочем, надо отметить и то, что в современной литературе мифологичность веберовской концепции стараются не замечать (возможно, опасаясь «посягнуть» на авторитет великого ученого) и принципы «рациональной бюрократии», сформулированные Вебером, кочуют по страницам философских и социологических изданий как «научные» определения бюрократии.

* *

Что такое «рациональность», по Веберу? «Рационализацией Вебер называет любое расширение эмпирического знания, способность к прогнозированию, инструментальное и организационное управление эмпирическими процессами. Благодаря *современной науке* такого рода процессы обучения обретают рефлексивный характер и могут быть институционализированы в рамках профессионального научного производства»¹¹. Таким образом, наука выступает как образец рациональности и в этом смысле является «судьбоносным фактором рационализованного общества»¹². Этот образец оказывает влияние на все сферы жизни — от форм самоорганизации личности, искусства, морали и даже религии до форм развития экономики и государственного управления. Вебер называл это влияние «расколдовыванием мира», то есть превращением его в «основанный на каузальности механизм». Оно так сильно и успешно, что иные способы понимания мира (например, как сферы действия божественной воли, или таинственной, не поддающейся объяснению, игры случайностей) отходят на задний план и даже вообще отвергаются. Все, чем живет человек в современном социальном мире, может и должно рассматриваться как предметная область научного исследования: культурные ценностные сферы (наука и техника, искусство и литература, право и мораль), культурные системы действий (научные, правовые, религиозные институты вместе с организованными формами художественного производства), системы действий, устанавливающие структуры общества (капиталистическое хозяйство, современное государство и небольшая семья), наконец, индивидуальные и личностные ориентации на эти системы.

Ученый подобен Мидасу, наказанному за свою жадность богами: все, к чему он прикасается своим методом, превращается в рациональный

¹¹ Хабермас Ю. Цит. соч. С. 45.

¹² Там же. С. 46.

объект. Это влечет за собой теоретические и практические следствия: мир становится понятным, а на эту понятность опирается выбор практических действий. Практическая рациональность интересовала Вебера в первую очередь. Он понимал ее как «целерациональность», то есть умение субъекта сообразовать свои действия с целями и средствами их достижения, сравнивать их между собой, имея в виду возможные последствия и т.д. Рационально действует тот, кто планирует и осуществляет свои действия, сообразуясь именно с этим расчетом, а не с какими бы то ни было традициями или с чувственными порывами. Такая рациональность отличается от стремления подчинить действия «неформальным» (например, ценностным) целям (когда действуют не «по уму», а «по зову сердца»). Выбор целей также может осуществляться по критериям «формальной рациональности», то есть опять-таки сообразуясь с наличными средствами, условиями их применения и предполагаемой эффективностью. Но при этом сохраняется и «ценностная рациональность», когда на выбор цели и на способ ее достижения решающее влияние оказывает ориентация на ценности (например, этические принципы или религиозные убеждения). «Соединение целерационального и ценностно-рационального действия дает тип действия, удовлетворяющий условиям практической рациональности в целом»¹³.

Удается ли это соединение? Это сомнительно. Пусть, например, некоторое действие планируется и совершается с определенным расчетом. Является ли такое действие морально-ориентированным? Иначе говоря, можно ли подвести мораль или религиозное убеждение под любой расчет? Если нет, то о каком соединении целерационального и ценностно-рационального может идти речь? Не лучше ли разъединить эти понятия? То есть вообще не употреблять обязывающий термин «рациональность», имеющий слишком много коннотаций с мировоззренческими (моральными, религиозными и др.) установлениями? А вместо него употреблять более простую и понятную терминологию, например, говорить о «формальной и детальной организации», «расчете», калькуляции? Как отмечает Ст. Андрески, «использование крайне смутного понятия "формальная рациональность" бесполезно, поскольку оно не содержит ничего нового по сравнению с понятием "применение расчета"»¹⁴.

¹³ Хабермас Ю. Цит. соч. С. 53.

¹⁴ Андрески Ст. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 210-235.

На простых примерах можно показать, что не существует никакой универсальной шкалы рациональности, по которой можно было бы сравнивать различные сферы деятельности. «В аналитической философии со времени Юма общеизвестно положение: конечные цели не могут квалифицироваться как рациональные или нерациональные. Иначе говоря, невозможно решить, кто поступает более рационально: бизнесмен, который лишает себя свободного времени и удовольствия ради денег; художник, который предпочитает жить в нищете, посвящая жизнь живописи; или "птица небесная", которая не может вынести скуку одного занятия и постоянно меняет род деятельности и место жительства. А что же рационального в тяжелом труде и экономной жизни, если человек располагает достаточным количеством средств для того, чтобы отдыхать и пользоваться благами жизни? Эти примеры показывают, что все зависит от ценностей, которые для людей являются конституирующими»¹⁵.

Мы видим, что Ст. Андрески указывает на противоречивость соединения «формальной» и «ценностной» рациональности в смысле Вебера. Но вряд ли стоит вслед за польским ученым объявлять веберовский подход к рациональности ошибочным. «Озарения» и «ошибки» Вебера¹⁶ происходят из одного и того же идейного источника. Ему нужен был именно такой термин. И «путаница» с «целями» и «ценностями» также не случайна и свидетельствует не о смятении мыслей: М. Вебер, по-видимому, не мог и не хотел рассовывать эти понятия по разным словарям. Они потому и «наезжают» друг на друга в его рассуждениях, что сопряжены по смыслу.

Бюрократия как идеальный тип у Вебера — это не только теоретическая конструкция для объяснения социологических или экономических явлений. Повторим еще раз: это прежде всего и главным образом — реальное воплощение культурной ценности. Именно поэтому ему необходим термин «рациональность», который не может быть заменен ни «экономическим расчетом», ни «формальной организацией», как советует Ст. Андрески. Необходим не потому, что этот термин точнее. Нет, он действительно многозначен. Но у него есть особое преимущество: он связывает социологические и экономические рассуждения с философией культуры, полагающей систему «горизонтных» универсалий центрированной вокруг рациональности. Дело, конечно, не только в том, что рационализированная

¹⁵ Андрески Ст. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 232.

¹⁶ Andreski St. *Maxa Webera olsnienia i pomyłki*. Warszawa, 1992.

культура — объект, доступный научному анализу, способному «посчитать» все, что поддается расчету, формализовать то, что может быть посчитано, и тем самым освободить пространство, часто занятое иррациональными выражениями человеческих пристрастий. Суть глубже: сама культура, в которой господствует принцип рациональности, открывает, как казалось Веберу, блестящую и неизбежную историческую перспективу.

* * *

Мы видим зависимость веберовской концепции бюрократии от культурного контекста эпохи. Критика этой концепции есть в то же время критика этого контекста. А за что ее можно критиковать?

Как уже было сказано, очевидной мишенью критики, конечно, является ее несоответствие реальности: бюрократия не такова, какой она изображена в веберовской концепции. Как отмечает, например, А. В. Оболонский, «целый ряд классических атрибутов веберовской модели рациональной бюрократии почти исчерпали свой изначально очень немалый позитивный потенциал и становятся несоответствующими потребностям быстро меняющегося мира»¹⁷. А потребности эти таковы, что общество более не желает рассматривать государство и бюрократический аппарат сквозь призму «гегелевской парадигмы» (государство как воплощение «абсолютной цели» этого общества), зато все больше видит в них «машину по оказанию услуг совокупному потребителю». Поскольку же эта машина (не только в России!) технически и морально устарела, приходится выбирать между двумя возможностями (либо пытаться их как-то объединить): модифицировать ее или вообще отказаться от нее в тех случаях, когда ее функции могут быть выполнены самим обществом. В первом случае можно воспользоваться международным опытом (который, кстати, очень трудно использовать в «российских реалиях»), во втором, как предлагает, например, Г. А. Сатаров¹⁸, признать тенденцию к устранению государства и бюрократии из многих сфер общественной жизни вполне разумной и всемерно содействовать ей. По мнению А. А. Аузана, цитируемому участниками дискуссии, вообще нет такой функции государственной службы, которую не могло

¹⁷ Дискуссия «Бюрократия как проблема», организованная Фондом «Либеральная миссия» 16.12.2011 г. Интернет-ресурс: <http://www.liberal.ru/articles/5545> (а также: Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011).

¹⁸ Там же.

бы выполнить общество, на что М. А. Краснов резонно возражает: общество не может, например, осуществлять правовую функцию, которая является прерогативой государственных институтов¹⁹. Но сама идея передачи обществу государственных функций вызывает серьезные сомнения. Во всяком случае подобный «анархизм», отмечает Л. С. Васильев, никогда не имел и по сей день не имеет реальных перспектив (хотя эта идея не раз использовалась как идеологический камуфляж диктаторскими и тоталитарными режимами)²⁰.

О чем спор? Его участники идут от очевидности: бюрократия (напомним, прежде всего, российская бюрократия!) плоха, а поэтому лучше бы от нее как-то избавиться. Нарисованная М. Вебером картина так не похожа на реальность, что вызывает желание поскорее сдать ее в какую-нибудь кунсткамеру, где гиды объясняли бы посетителям ее смысл и указывали на художественные особенности. Но как образ реальности она уже никуда не годится, хотя бы потому что реальность сильно изменилась.

Полно, так ли? На современных автобанах не найти «Антилопы-Гну», некогда соблазнявшей своими техническими совершенствами жителей Арбата. Современная Россия — конечно, не совсем Арбат, описанный в бессмертном романе И. Ильфа и Е. Петрова, но политических автобанов в ней тоже нет. Отправить бюрократию на свалку истории — предложение забавное, но в российских условиях сильно напоминающее проект Остапа Бендера сделать из Васюков межгалактический центр шахматной культуры.

Как бы то ни было, критиковать веберовскую концепцию за ее несоответствие реальности, значит полагать ее именно «теорией», а не теоретико-образным «мифологическим конструктом», включающим «идеальный тип» бюрократии. Вообще-то говоря, никакая теория «не соответствует» реальности, поскольку оперирует «абстрактными объектами», что необходимо для установления сущностных связей между изучаемыми явлениями («материальная точка», «абсолютно твердое тело», «идеальный газ», «центр тяжести» — в физике, «равновесный рынок» — в экономике, «неограниченно большая популяция со свободным скрещиванием особей» — в популяционной генетике и т.д.). Но веберовская концепция — особого рода теория, теория-миф. И ее функция не в том, чтобы устанавливать

¹⁹ Дискуссия «Бюрократия как проблема», организованная Фондом «Либеральная миссия» 16.12.2011 г. Интернет-ресурс: <http://www.liberal.ru/articles/5545> (а также: Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011).

²⁰ Там же.

сущностные законы управления и осуществления власти, а в том, чтобы консолидировать и гармонизировать культурную картину мира, стоящую на принципах рациональности.

Если так, то и критика этой «теории-мифа» может иметь два источника: неприятие культурных принципов и ценностей, на страже которых стоит бюрократия, или осознание того, что бюрократия не выполняет свою культурную функцию, а напротив, характеризуется (частичным или полным) отрицанием культурных ценностей. В первом случае критика направлена против культурного мифа «рациональной бюрократии». Во втором — критикуется не культура, а ее разрушитель — реальный бюрократ, сделавший из мифа о культуре ширму, за которой устраивает свои делишки, а также вся реально существующая и всегда окружающая человека в современном обществе бюрократическая система, превращающая жизнь человека в кафкианский абсурд.

* * *

Как уже сказано выше, второй путь напрашивается прежде всего. Идя по нему, критик примется за разоблачения пороков реальной, а не придуманной Вебером, российской бюрократии. Очень скоро перед ним предстанет поистине жуткая картина. Бюрократическая «вертикаль» означает не безусловную передачу властных импульсов «сверху донизу», а скорее механизм подавления значимой инициативы и уклонения от действия через систему проволочек²¹; он увидит, что так называемое «превышение служебных полномочий» — рутинная практика вымогательства или расправы с неудобными людьми; что юридические законы попираются нагло и безнаказанно; бюрократические должности продаются и покупаются, и на этом рынке активность никогда не падает. Наконец, он констатирует профессиональную непригодность бюрократов не только на нижних ступеньках иерархической лестницы, но и на вершинах власти. Если критик осмелится продолжить свое исследование (ибо в России это совсем не безопасное занятие!), он узнает, что бюрократы сплошь и рядом занимаются полуправильным и нелегальным бизнесом (законы и инструкции, кое-как препятствующие этому, ловко обходятся либо игнорируются), а то и вовсе входят в состав организованных

²¹ Иногда, как это ни парадоксально, «вертикаль власти» превращается в изощренное оружие саботажа или даже преднамеренной компрометации верхних «этажей» бюрократии.

преступных групп (что можно даже саркастически назвать «работой по совместительству»). При этом (в полном противоречии с веберовской моделью) бюрократы не только занимаются политикой, но используют свои должностные привилегии для обеспечения властного status quo (выражение «административный ресурс» при подсчете шансов на победу над политическими конкурентами в ходе выборов абсолютно никого не шокирует, а напротив, считается вполне приемлемым и разумным)²². Впрочем, российская бюрократия к самой идее выборов, как правило, относится с плохо скрываемым презрением. Для этого чувства у нее находится и «рациональное основание»: то, что называют «свободными» и «честными» выборами, есть, считают они, скверный камуфляж для разнузданной борьбы криминальных кланов и «семей» за власть путем подкупа и запугивания, «оболванивания» электората, для разрушения устоев государственности и превращения политического процесса в мутную лужу.

Но отказаться от выборов вообще нельзя, это противоречило бы не только Конституции, но самому духу демократии, уничтожило бы цель общественных преобразований, начатых три десятилетия назад. С таким свиным рылом нельзя было бы сунуться в калашный ряд современного мироустройства. Поэтому выборы все же происходят, но по сценариям «управляемой демократии». Управляет, конечно же, бюрократия, используя для этого свои «ресурсы», в первую очередь — контроль над средствами массовой информации с целью «промыывания мозгов», но не гнушаясь и такими общими с криминалом приемами, как запугивание или подкуп электората, фальсификация подсчета голосов, компрометация политических конкурентов или их физическое устранение с политического поля.

На свои сравнительно умеренные зарплаты российские бюрократы приобретают дворцы в своем отечестве и за границей, обмениваются «подарками», цена которых напоминает московский номер мобильного телефона, разъезжают на «крутых» автомашинах, обучают отпрысков в престижных и очень дорогих заграничных университетах. Они приватизировали властные структуры, используя право действовать от имени государства

²² Разумеется, политическая активность бюрократии может быть направлена не только на сохранение и упрочение существующей власти, но и против нее (так называемая «аппаратная революция»); в таких случаях бюрократы могут вступать во временные политические союзы с иными, нежели «партия власти», политическими силами. Впрочем, чаще всего бывает, что целью этой борьбы является перераспределение власти в пользу «новой бюрократии».

как ресурс личного обогащения. Известные персонажи М.Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухова-Кобылина выглядят бледными подобиями своих нынешних российских коллег, ввиду чего слова о профессиональной чести или «государевой службе» в среде российских бюрократов воспринимаются как несусветная чушь, наивная глупость.

Короче, критику не пришлось бы слишком утруждаться сбором «разоблачительных» фактов. Они стали обыденностью и никого не удивляют. К ним привыкли. Они стали содержанием социальной реальности, вытеснив все, что им противоречит, в разряд исключений или случайностей²³. Но что следует из этих фактов?

Можно, например, вслед за Р. Мертоном или Т. Парсонсом, рассматривать мерзости современного бюрократизма как «дисфункции», недостатки системы, вызванные главным образом тем, что бюрократы — живые люди и ничто человеческое им не чуждо. Ведь бюрократ Вебера — это, так сказать, абстрактная схема. А человек имеет свои слабости, пристрастия и даже аффекты.

Он может гневаться или благоволить, увлекаться пчеловодством или теннисом, дзюдо или блогосферой, иметь те или иные политические или религиозные убеждения, обожать ритуалы и церемонии (Р. Мертон даже говорил о «ритуализме» как особой дисфункции бюрократического аппарата). Вот и алчность, и цинизм, и безудержное властолюбие, и злобную мстительность — да много еще чего! — нужно принимать как факторы, искажающие «нормальный» ход бюрократического механизма. Или, выражаясь в терминах Вебера, вносить в него иррациональные моменты. Иначе говоря, такому механизму нужен присмотр и техническое обслуживание: негодные или изношенные части заменять запасными, работать над дизайном, подумывать о совершенствовании внутреннего устройства, оптимизировать его функциональность и т.д.

Кому доверить это важное дело, особенно, когда речь идет о высших уровнях бюрократической иерархии? Может быть, специалистам: философам, политологам или экономистам? Увы! Мало того, что их мнения,

²³ Интерес к таким «случайностям» подогревается СМИ, особенно, когда власть пытается выступить в роли «эффективного борца» за чистоту своих рядов и проводит рекламируемые кампании по борьбе с коррупцией. Тогда знакомые каждому реалии подаются как некие сенсации (оказывается, воруют, ах, кто бы мог подумать!). Сенсации недолговечны, обыденность берет свое, а на место десятков «вдруг разоблаченных» коррупционеров приходят сотни и тысячи новых. Только «коррупционный налог», каким обложено население страны, становится еще более значительным (с учетом возрастающей степени риска!).

да и поступки направляются их собственными идеологическими предпочтениями и в этом смысле они, как правило, оказываются на стороне той или иной политической силы — а почему бы и не бюрократии? А если они станут предлагать нечто такое, что бюрократам не понравится, кто будет их слушать?

Совсем уж маловероятной представляется и передача власти этим eggheads. Подобными утопиями тешился еще Платон. По его стопам пытаются идти и современные технократы. Иногда им кое-что удается. Но технократическая (или сциентократическая) идея несет в себе все то же противоречие: «интеллектуал», став у власти, не перестанет быть... человеком. А если он не научной истине или рациональным принципам станет служить, а прислуживать — в том числе и собственным интересам? Надежда на то, что в таких случаях само устройство технократической «машины» будет тормозить или отменять решения, противоречащие закономерностям, каким она подчинена в своем действии, призрачна. Машину всегда можно «отрегулировать», и нет оснований сомневаться в том, что этой регулировкой займутся те, кому под силу это занятие. Кто лучше бюрократов справился бы с этой задачей?

Машины, впрочем, участвуют в бюрократическом процессе и сейчас, причем это преподносится как важное усовершенствование этого процесса (например, автоматическая система сбора налогов или коммунальных платежей, компьютерная программа для квалификационных испытаний, возможное испытание на «Полиграфе» подозреваемых в лихоимстве чиновников и т.п.). Но это мелочи.

Универсальное средство, считают многие, это «демократия», то есть устройство для смены властных структур, если они почему-либо не удовлетворяют общественным нуждам.

Эта тема слишком велика. Здесь я только коснусь ее. Споры о демократии в нашей стране часто топчутся вокруг проблемы: готова ли Россия к демократическим преобразованиям? Понятие «готовности» трактуется по-разному. Сегодня все реже вспоминают лозунг «перестройки»: «Больше социализма — больше демократии!», с которым провалилась идея М.С. Горбачева об «ускорении на крутом повороте» истории. Провалилась вместе со страной, в которой незадолго (всего за несколько десятилетий) до ее краха случилась «полная и окончательная победа социализма», названная тогдашними правителями и прислуживавшими им интеллектуалами торжеством «подлинной» (а не фальшивой, «буржуазной») демократии. Теперь демократию связывают с «гражданским обществом»,

рыночной экономикой, развитием соответствующих институтов и т.д. Но эти слова часто похожи на этикетки марочных вин, наклеенные на бутылки, в которых — в лучшем случае подслащенная водичка, а в худшем — вонючее и вредное пойло. И что же? Вновь повторять, что Россия отделена от «настоящей», «хорошей» демократии исторической дистанцией огромного размера?

Выстраивание демократических институтов, если под возводимыми сооружениями — зыбкая топь уродливой экономики и чудовищного социального неравенства, отсутствия у масс элементарного правосознания и традиций самоуправления, накопившегося опыта унижений и оскорблений религиозных, национальных, патриотических чувств, идеологического хаоса, распространения ксенофобских мифов, криминализации едва ли не всех сфер жизни, падения нравов и коллапса образования, демографических и экологических кризисов (перечень этих скорбных характеристик физически трудно оборвать), неизбежно превращает эти институты в декорации и ширмы.

Но ведь и отказаться от строительства нельзя, понимая, что, свернув с пути демократического развития, страна окажется в историческом тупике. Собственно, вся наша российская современность есть поле, на котором сшибаются в схватке стороны этого противоречия. Исход пока никому не ясен.

Поэтому надо прислушиваться как к критическим, так и к позитивным аргументам, привлекаемым в этот спор не только учеными диспутантами или политическими полемистами, но прежде всего — самой жизнью, ее неоспоримыми реалиями.

Демократия — не панацея, но выстраданный человеческой историей рецепт. Именно поэтому следовать ему нельзя «очертя голову», без тщательного взвешивания последствий. Демократический опыт России после февраля 1917 года был прерван и отвергнут, помимо прочего, и из-за того, что тогдашние демократы оказались далекими от социально-культурной почвы. Их неукорененность в ней предредила страшную прополку, освободившую место для большевистской диктатуры. Национал-социалистская диктатура в Германии начала 30-х годов прошлого века была установлена с достаточно полным (по меркам тогдашней Европы) соблюдением демократической процедуры.

Это к тому, что демократические общества при определенных условиях порождают (на свою погибель) такую «рациональную бюрократию», как М. Веберу и в кошмарных снах не виделась.

Вернемся на первый из названных путей критики идеи «рациональной бюрократии». На этом пути критик теории-мифа «рациональной бюрократии» выступит критиком культуры. Он может заметить, что гипертрофированная (то есть проникающая во все поры общественного тела) рациональность является антиценностью. Она подчиняет себе всю систему культурных универсалий, многие из которых просто атрофируются в этом подчинении, а другие теряют свою привлекательность. Помещать рациональность в центр этой системы, считали и считают многие критики, не только ошибочно, но и опасно. История XX века дала обилие аргументов в пользу этого тезиса.

Еще В. Ф. Эрн возводил генезис германского милитаризма к «Критике чистого разума», имея в виду, что идея «живого Бога» была загублена кантовским феноменализмом, а пространство культуры, из которого изымается эта ценностная универсалия, оккупируется научно-техническим рационализмом, заключающим военный альянс с идеей сверхценности немецкой нации, что и ведет к мировой катастрофе²⁴. М. Хоркхаймер и Т. Адорно докопались до еще более глубоких корней катастрофы. Опыт Второй мировой войны был истолкован ими как следствие саморазрушения европейской культуры, ее универсалий, сформированных в эпоху Просвещения²⁵. Жесткой критике был подвергнут «весь ход развития социокультурной парадигмы "проекта модерна", низвергнувшей западную цивилизацию в пучину варварства именно вследствие необходимости произошедшего с ней процесса диалектического самопревращения ее в свою собственную противоположность — в архаический, традиционалистский миф, пышные похороны которого некогда столь самонадеянно и торжественно праздновала эпоха Просвещения»²⁶. Заметим, что и М. Вебер (вполне в духе просветительского «модерна») противопоставлял архаическому традиционализму рационализм современной капиталистической экономики. Так что критику «проекта модерна» со стороны франкфуртских социологов середины прошлого века можно считать и опосредованной критикой «рациональной бюрократии» М. Вебера.

²⁴ Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 101-106.

²⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.—СПб., 1997.

²⁶ Кузнецов М. М. Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути // История философии. № 12. М., ИФРАН, 2005. С. 24.

Почти всю вторую половину XX столетия шли споры вокруг рационализма как культурной ценности. Специфическим преломлением этих споров была полемика о научной рациональности, втянувшая в себя чуть не всю философию и методологию науки²⁷. Когда эти споры уже пошли на убыль на Западе, постепени громадные социально-политические и экономические преобразования в России, на фоне которых дискуссия о рациональности как культурной ценности сделала новый поворот. «В результате того, что в нашей стране механизм рыночной экономики был запущен так, что частный интерес, объявленный присущим самой природе человека, оказался вне общественного контроля (этического, религиозного, государственного и даже элементарного контроля здравого смысла), возник лавинообразный механизм разрушения всех компонентов рациональной культуры. В первую очередь это коснулось науки как базы перспективных технологий, а потом затронуло и всю систему ориентированного научно-познавательными ценностями образования»²⁸. В такой ситуации критика рационализма смыкается с критикой европейской культуры в целом.

Ведь эта критика так и не смогла найти для себя внятной идейной платформы, имеющей позитивный или конструктивный смысл. Иначе говоря, она не связалась с проектом устройства культурного пространства, в котором рациональность, оставив претензии на абсолютное первенство в культуре, все же не была бы отеснена на периферию последней, а нашла достойное место в ней. Как именно это возможно, пока не ясно, и дело часто сводится к рекомендациям, полезность которых проблематична, поскольку никто толком не знает, как им следовать. Конечно, А. Ф. Зотов прав (перекликаясь в этом моменте с В. П. Макаренко), когда говорит, что «преодолеть современный кризис рациональности, если его трактовать как социокультурный феномен, можно, лишь устранив и современную форму отчуждения — отчуждения человека как личности от рациональности, объективированной в информационно-технических системах ("ноотехносфере")»²⁹. Но как это сделать? О желательности устранения различных форм отчуждения философы (от С. Кьеркегора и К. Маркса до Э. Фромма, С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра) говорят уже два столетия кряду, а тем временем формы отчуждения растут числом и в глубину. Вот и отчуждение

²⁷ См.: Порус В. Н. Рациональность, наука, культура. М., 2002.

²⁸ Зотов А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 11.

²⁹ Там же. С. 14.

бюрократии от человека (и наоборот) также нисколько не уменьшилось, а даже имеет тенденцию к дальнейшему углублению, несмотря на все усилия теоретиков и практиков.

К концу прошлого века на авансцену европейской философии вышел постмодернизм, который предложил своеобразный выход из кризиса европейской культуры: вообще не замечать его. В самом деле, кризис — это резкое сотрясение системы культурных универсалий, смещение их ролей, неразбериха с первенством, неразрешимый конфликт между тем, чего требует от людей культура, и тем, что происходит в их реальной жизни. Не лучше ли трезво осознать фиктивность этих универсалий и освободиться из-под их опеки? Нет универсалий культуры — нет и кризиса! Человечество должно же, наконец, повзрослеть и избавиться от подростковых иллюзий: не существует никаких всеобщих ценностей, правил и истин о человеке (кроме, конечно, знаний о его биологической природе, да и с теми не все ясно). Тем более, что, кажется, уже не надо никому объяснять, что человечество рискует самым своим существованием, если споры о ценностях станут причиной мировой бойни или другой антропогенной катастрофы. М. Н. Эпштейн назвал эту философию «зрелым сознанием увечной культуры»³⁰. Но вопрос в том, навеки ли искалечена культура и обречена ли она доживать свой век беспомощным и тягостным для всех инвалидом, или же есть перспектива ее исцеления, возвращения ей жизненных (а не имитирующих жизнь) сил? Философия, довольствующаяся печальным «да!» в ответ на первую часть вопроса не может не быть маргинальной, какой бы временной популярностью она ни пользовалась; философии, пытающейся найти положительный ответ на вторую часть, должно принадлежать будущее. Значит, постмодернизм будет изжит, если философия вместо причитаний о несовершенстве и увечности культуры предложит позитивный проект ее универсалий, определяющий ее развитие.

Пока, однако, этого сделать не удалось. Но ясно, что уродства нашей действительности, в том числе и уродство нынешней бюрократии, являются неизбежными следствиями культурного кризиса, уже переросшего в культурную катастрофу. Она всеохватна и никакие сферы жизни не остались незатронутыми. В особенности — сфера властных отношений. И дело даже не в том, что система культурных универсалий лежит в развалинах. Это еще полбеда. Расчистив руины, все-таки можно поставить новые культурные каркасы, была бы только воля и хватило бы

Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000. С. 41.

сил. Настоящая беда в том, что гаснет идея культуры, утрачивается вера в то, что человек обретает самого себя только в культуре, то есть ориентируясь мыслями и действиями на ее ценности. Если эта идея перестанет светить окончательно, наступит тьма посткультурной действительности. Дальнейшее — молчание...

Не называйте это «пессимизмом». Такое клише вообще слишком примитивно, чтобы к нему относиться всерьез. Как, впрочем, и к клишированному «оптимизму». А. В. Оболонский прав: «В России при всех режимах и при деспотичном, античеловечном, во многом людоедском государстве никогда не иссякала противостоявшая ему альтернативная контркультура. И можно обозначить целый ряд исторических развилки, когда мы могли перейти на иную траекторию движения. Да, пока это не удалось, но запрета на будущее, отличное от прошлого, у России нет»³¹. Все верно. Только для того, чтобы «перейти на иную траекторию движения», нужно решительно признать, что прежняя траектория уже привела на край пропасти. В ситуации культурного кризиса или, если угодно, культурного безвременья, ценностные универсалии — это «симулякры», знаки того, чего нет, формы, какими люди символизируют свои отношения, обмениваются — ради удобства или развлечения — этими формами, сознавая при этом их пустоту. Такой формой-пустышкой является и «рациональная бюрократия». Реальная же бюрократия поддерживает этот обмен-обман, поскольку он ей выгоден. На словах — профессионализм, честь, порядок, беззаветное служение, бескорыстие, на деле — сами знаете что. Впрочем, знаете или нет, это не важно. Придется играть с пустотой, окруженной символическими оболочками. Жизнь заставит.

* * *

Вопрос о бюрократии — это вопрос о культуре, порождающей рациональные замыслы эффективного управления обществом и в то же время опрокидывающей эти замыслы как несовместимые с реальностью. И это означает, что политическая или социальная составляющая этих замыслов в конечном счете производны от уровня культуры. Нельзя говорить о каком-то повышении этого уровня вне реальной работы по совершенствованию управленческой системы, по созданию основ демократического, гражданского общества. Ничто не придет само собой, за все это нужно

Дискуссия «Бюрократия как проблема» (см. сноску 17).

бороться. Но в то же время надо трезво сознавать культурно-исторические ограничения на ожидаемые результаты. Из этих рамок нельзя выпрыгнуть каким-то отчаянным прыжком. Чтобы добиться реальных изменений, улучшающих общественную жизнь, в том числе изменений в системе управления, необходима колоссальная по объему и значению культурно-преобразующая деятельность. Она должна захватывать все общество, но ее основные импульсы должны исходить из его элитарной части. Живое зерно веберовского замысла «рациональной бюрократии» в том, чтобы направить усилия общества на выращивание так необходимой ему «социальной элиты». И значит, вопрос о бюрократии — это вопрос об образовании, воспитании, о системе основополагающих культурных ценностей, о действии этой системы в экономике, политике, в структурах управления.

Как говорил один мудрый сантехник, чтобы в доме регулярно была вода, мало сменить износившиеся краны, нужно держать в порядке всю систему коммуникаций. То же верно и по отношению к системе управления обществом. Хотя и краны тоже приходится менять. Вода-то нужна каждый день.

Сведения об авторах

Кант Иммануил (1724-1804) — немецкий философ.

* * *

1. **Алешин Альберт Иванович** — доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.
2. **Апресян Рубен Грантович** — доктор философских наук, заведующий отделом Института философии Российской академии наук.
3. **Гонтмахер Евгений Шлемович** — доктор экономических наук, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, член правления Института современного развития.
4. **Дробницкий Дмитрий Олегович** — писатель, политолог, редактор портала современной американистики Terra America.
5. **Заринская Ирина Зиновьевна** — политолог, кандидат искусствоведческих наук.
6. **Зубаревич Наталья Васильевна** — доктор географических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
7. **Кара-Мурза Алексей Алексеевич** — доктор философских наук, заведующий отделом Института философии Российской академии наук.
8. **Левинсон Алексей Георгиевич** — кандидат искусствоведческих наук, руководитель отдела Аналитического центра Юрия Левады.
9. **Межуев Вадим Михайлович** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук.
10. **Михник Адам** — польский общественный деятель, один из руководителей польской политической оппозиции 1968-1989 годов, главный редактор «Газеты Выборчей».

11. **Неретина Светлана Сергеевна** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук.
12. **Никольский Сергей Анатольевич** — доктор философских наук, заместитель директора Института философии Российской академии наук.
13. **Огурцов Александр Павлович** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации.
14. **Пашин Сергей Анатольевич** — кандидат юридических наук, федеральный судья в отставке, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, заслуженный юрист Российской Федерации.
15. **Порус Владимир Натанович** — доктор философских наук, заведующий кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
16. **Родионов Кирилл Владимирович** — научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара.
17. **Рыжков Владимир Александрович** — кандидат исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
18. **Соловьев Эрих Юрьевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук.
19. **Солопова Мария Анатольевна** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук.
20. **Фирсанова Елена Витальевна** — социальный философ, заместитель генерального директора консалтингового агентства «ПРОФИ-групп».
21. **Ходорковский Михаил Борисович** — общественный деятель, заключенный, бывший глава НК «ЮКОС».

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. УРАВЛЕНИЕ

Руководитель проекта *А. Василенко*

Корректор *Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Дизайн обложки *Л. Беншуша*

Арт-директор *С. Тимонов*

На обложке использована литография
Рокуэлла Кента «Освобождающийся Прометей»,
предоставленная Smithsonian American Art Museum,
Bequest of Frank McClure.

Подписано в печать 31.07.2013. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 32,5 печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3124/13

ООО «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР»

123060, Москва, а/я 28

Тел. (495) 980-53-54

www.alpinabook.ru

e-mail: info@alpinabook.ru

Знак информационной продукции 17f^
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) Ш/Ш

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru